

Стенограмма

совещания на тему "Об обсуждении пакета законопроектов, направленных на защиту и поощрение капиталовложений и развитие инвестиционной деятельности в Российской Федерации"

16 января 2020 года

А.Г. ДМИТРИЕНКО

Уважаемые коллеги, добрый день! Я предлагаю, кто задерживается, в процессе подойдет. Предлагаю нам к работе приступить.

Коллеги, мы сегодня собрались по теме, которая у нас сегодня одна из самых обсуждаемых в последнее время, – это законопроект о защите и поощрении капиталовложений и развитии инвестиционной деятельности в Российской Федерации, который вводит в России механизм соглашения о защите и поощрении капиталовложений, а также гарантирует инвесторам неизменность ряда налоговых и регуляторных условий.

Я бы сказал, что это мегадокумент, и он настолько важен, что вчера президент в своем Послании Федеральному Собранию велел ускорить принятие пакета законопроектов о защите и поощрении капиталовложений.

Напомню, что налоговые условия для крупных, значимых проектов (и об этом тоже говорилось в послании) должны быть неизменны на срок до 20 лет, а требования нормативов при строительстве производственных объектов должны быть зафиксированы на три года. Эти гарантии как раз таки должны стать нормой закона.

Запуск нового инвестиционного цикла является определяющим фактором ускорения экономики и ее роста. Начиная с этого года ежегодный прирост инвестиций должен составлять не менее 5 процентов. Их долю в ВВП страны необходимо увеличить с текущего 21 процента до 25 процентов в 2024 году.

Законопроект внесен пакетом в Государственную Думу и принят в первом чтении 10 декабря. Также законопроект поддержан концептуально с учетом доработки Комитетом Совета Федерации по экономической политике.

Коллеги, однако текст вызывает озабоченность исходя из ряда положений в том, что мы можем потерять весьма серьезную часть бизнеса, в том числе регионального.

Учитывая эти озабоченности, членами комитета разработаны и внесены на рассмотрение в Государственную Думу поправки, с сутью которых вы, разумеется, можете ознакомиться. В комплексе эти поправки отражают ряд проблем, которые выделены как регионами, так и экспертным сообществом.

К примеру, в текущей редакции с помощью механизма СЗПК предлагается урегулировать всевозможные меры господдержки, в том числе предоставляемые в рамках концессий и соглашений о ГЧП. По нашему мнению, такое общее регулирование всех инвесторов с бюджетным участием не только несет риски для реализации действующих концессионных соглашений и соглашений о ГЧП, но и создаст весьма серьезные дополнительные ограничения при запуске новых проектов.

Также необходимо четко определить цели, предмет, порядок, а также критерии содержания и проведения финансового и инвестиционного аудита.

Далее. Надо понять, целесообразно ли распространение положений законопроекта на отношения, которые регулируются законодательством о концессионных соглашениях, о государственно-частном партнерстве, о муниципально-частном партнерстве, об особых экономических зонах, о территориях опережающего социально-экономического развития и об иных территориях, территориях с особыми условиями ведения

предпринимательской деятельности и согласованности положений федерального закона с текущим законодательством Российской Федерации.

Мы сегодня хотим понять отношение ФОИВов к изложенной проблематике, и что конкретно представит правительство в качестве поправок ко дню рассмотрения законопроекта во втором чтении. Так бы не мешало бы узнать сегодня о целевых показателях эффективности деятельности ФОИВов по привлечению инвестиций крупных и средних предприятий, а также о привлечении частных инвестиций в разрезе национальных проектов.

Коллеги, я предлагаю в качестве формата нашего совещания сначала предложить слово экспертам по данной проблематике, членам Федерального Собрания, Совета Федерации, и в дальнейшем уже как реакция на данные выступления, на данную проблему предложить слово представителям ФОИВов. Если вопросов и возражений ни у кого нет, предлагаю к работе приступить.

Первое выступление у нас запланировано – Алексей Борисович Чичканов, первый вице-президент АО "Газпромбанк".

Я предлагаю выступающим до 7 минут, хватит, надеюсь? Замечательно. В дальнейшем до 5 минут в прениях, и уже по окончании в ответном слове представителей министерств – до 10 минут.

Прошу Вас.

А.Б. ЧИЧКАНОВ

Спасибо большое.

Спасибо, прежде всего, что пригласили. Мы высоко ценим эти приглашения как позицию Совета Федерации услышать то, что экспертное сообщество и бизнес считают важным при оценке законопроекта. Но прежде всего мы, "Газпромбанк" это уже говорил, и это не в связи с тем, что вчера президент поручил всем ускорить принятие закона, мы поддерживаем принятие этого закона в той части, в которой в основных

положениях этого закона он предоставляет дополнительную стабильность долгосрочным инвестициям. Это очень и очень важно, мы это всегда говорили, и в наших инфраструктурных инвестициях, прежде всего, которые "Газпромбанк" финансирует, долгосрочность и стабильность – это основа для принятия банком решения о финансировании проекта, а как вы понимаете, при финансировании инфраструктурных проектов 80, даже 90 процентов денег – это деньги банка. Поэтому когда в законе появилась такая норма, как стабилизационная оговорка, которая гораздо более надежно защищает инвесторов, чем используемые ранее в законодательстве и в практике концессионной деятельности оговорки и договоренности, которые основаны на законе № 115, на законе № 224, она, конечно, не может вызвать ничего, кроме поддержки и благодарности, что предполагается, что эта стабилизационная оговорка будет полностью гарантировать неизменность регуляторных условий, которые существуют на момент подписания всех соглашений, включая и концессионные. Это очень важно, потому что по-разному бывает происходят переговоры при подписании концессионных соглашений: какие-то регионы берут на себя ответственность за изменения тех же региональных законов или налогов, какие-то не берут, а так, чтобы федеральные органы власти при федеральных концессиях брали на себя такую оговорку – такое вообще почти не бывает, и это поэтому очень важно. Мы рассчитываем, что для всех, не только концессионных, но и обычных инвестиционных проектов эта стабилизационная оговорка принесет дополнительные возможности для принятия банками и финансирующими организациями решений о финансировании долгосрочных, более 10 лет проектов в области инфраструктуры и в промышленности.

Второе важное нововведение, которое мы также поддерживаем, – это то, что вводятся правила об учете расходных обязательств. Мы считаем, что это полезно, потому что опять же долгосрочные проекты должны

обязательно учитывать возможности бюджета по их поддержке. И банк, когда оценивает риск проекта, он, конечно, всегда оценивает и потенциал концедента, потенциал бюджета региона или муниципалитета справиться с этим риском, и, в случае если по проекту возникнут обстоятельства, которые находятся в сфере ответственности региона или муниципалитета, чтобы у региона была реальная возможность справиться с этим, поддержав бюджетными деньгами.

вб

Такие ситуации бывают, они нечастые, не так часто, как может казаться финансовым органам. Чаще всего эти ситуации исправляются просто продлением срока реализации проекта, и просто проект сдвигается вправо, но не приносит никаких дополнительных расходов для бюджета.

Хотя иногда сам бюджет выбирает просто из возможных опций, что делать, если возникают обстоятельства, допустим, какая-то сеть появилась неучтенная или какие-то расходы, которые сам регион должен понести. Он иногда сам выбирает, он говорит: "Хорошо, инвестор, дополнительные деньги трать, мы тебе потом компенсируем". Это просто ускоряет процедуру, потому что мы все знаем, как долго принимаются решения о бюджетировании, о госзаказе и так далее. Когда нужно перенести какую-нибудь сеть, это на полтора года может остановить проект, а инвестор может справиться за три месяца. Это тоже бывает, и это выбор региона, то есть выбор бюджета. Поэтому мы тоже поддерживаем ситуацию, при которой такие расходы должны учитываться.

Единственное, мы считаем, что это вопрос управленческого учета — это не вопрос бюджетных обязательств, это вопрос учета, который должен быть на уровне подзаконных актов. Как учитывать и как монетизировать эти самые риски — это вопрос, который надо дополнительно обсуждать в рамках ведомственных совещаний с участием экспертов с учетом мирового опыта, потому что на эту тему есть разные методики оценки таких событий.

Поэтому мы считаем, что однозначно это плюс, но, наверное, не на уровне закона, а на уровне подзаконного акта.

Что нас тревожит? Мы об этом тоже уже говорили. Концессия и ГЧП – это понятный рынок, на нем действуют понятные крупные инвесторы, и средние тоже, и банки, которые финансируют. Нас очень волнует ситуация, при которой новая терминология, которая распространяется в целом на все инвестиционные проекты, будет также накладывать свой обязательный фактор на терминологию ГЧП и концессий.

Это касается и понятия собственных инвестиций. Все об этом знают, что у нас принято, что собственные инвестиции – это не только капитал, но и акционерные займы. И нет ни одного проекта, где собственные инвестиции исключительно в виде внесения основного капитала производились.

Это касается понятия финансового аудита. Это вообще отдельный вопрос, потому что, когда обсуждается та или иная мера господдержки по концессионному соглашению, финансовый орган или орган поддержки инвестиций, отраслевой орган всегда оценивает те риски и те модели, при которых господдержка необходима или, наоборот, не необходима, когда возможно обойтись без господдержки. То есть это всегда происходит в диалоге.

И для разных инфраструктурных проектов принципы этой самой поддержки разные: для отрасли ЖКХ они одни, а для отрасли транспорта другие, для здравоохранения или социалки третьи. А уж если мы говорим о том, что есть разница между отраслями в инфраструктурном бизнесе, то очевидно, что существует такая разница, когда мы берем более общий срез, как это делает законопроект, когда говорит о любых инвестициях, в том числе промышленных инвестициях, в любой отрасли.

Поэтому те принципы, которые сейчас заложены в законопроекте, которые будут распространяться и на ГЧП, и на концессии, очевидно, не являются оптимальными для инфраструктурного бизнеса, потому что принцип максимизации бюджетных доходов от инвестпроекта неприменим для оценки поддержки того или иного инфраструктурного проекта, например социального или проекта в области здравоохранения. Поэтому очевидно для нас, что не могут действовать принципы, заложенные в законопроекте по финансовому аудиту, для инфраструктурного рынка.

сб

Другой пример – это то, как предполагается изменить или отменить меры господдержки, то есть отказ от обязательства возможен в случае нарушения законодательства. Но это настолько широкие формулировки, которые не применимы для тех моделей бизнеса, которые существуют в инфраструктурном ГЧП и концессии, что, грубо говоря, незаконно уволив сотрудника, инвестор может потерять миллиарды государственной поддержки. Это, очевидно, риск, который невозможно оценить, и, если это применять для инфраструктурного бизнеса, то банки не будут финансировать просто под такими рисками проекты.

Поэтому, на наш взгляд, самый правильный выход из этих противоречий, которые мы видим и которые накладываются на действующее законодательство, на действующие процедуры, – это исключить действие этого закона, не применять этот закон на процедуры концессии и ГЧП. В то же время, дополнительно проработав с профильными министерствами, необходимо те правильные нормы, о которых я вначале сказал (это стабилизационная оговорка и учет расходных обязательств), внести наряду с другими поправками, которые бизнес давно ждет, в закон о концессиях и ГЧП.

Мы сейчас ознакомились с поправками членов Совета Федерации, мы полностью их поддерживаем. Мы считаем, что это самый оптимальный,

подходящий для сегодняшней ситуации выход, исключив действие концессии и ГЧП из-под этого закона, в то же время проработать внесение изменений в 115-й и 224-й в тех целях, которые заложены в этом законе, которые будут действительно направлены на поддержку и стабильность инвестиционных проектов в области инфраструктуры.

Спасибо.

А.Г. ДМИТРИЕНКО

Спасибо большое, Алексей Борисович.

Я еще немножко резюмирую сказанное. Вчера (кто помнит) президент также отметил, что поддержку должны получить не только крупные проекты, но и деловые инициативы малого и среднего бизнеса. То есть как раз к сказанному возникает вопрос о снижении требований к объему собственных инвестиций и общему бюджету проекта для целей заключения соглашений о защите и поощрении капиталовложений. Это тоже необходимо учитывать. Дальше мы об этом еще поговорим.

Еще раз спасибо.

Слово предоставляется Константину Валерьевичу Песоцкому, старшему управляющему, директору Сбербанка.

К.В. ПЕСОЦКИЙ

Добрый день, уважаемые коллеги! В первую очередь хотел бы поблагодарить за возможность эффективного диалога в отношении данного законопроекта на площадке Совета Федерации.

Мы активно ведем диалог с Минфином уже, наверное, последний год по теме данного законопроекта и хотели бы отметить, что, безусловно, Сбербанк поддерживает необходимость и актуальность разработки данного законопроекта и те прогрессивные положения, которые направлены на защиту инвестиций, рост инвестиционной активности в Российской Федерации. Это в первую очередь стабилизационная оговорка, возможность получения инвестором компенсации убытков вследствие

нарушения стабильности налогового режима, регуляторного режима, тарифных решений и так далее.

И мы верим в то, что как одна из мер в случае реализации в комплексе с другими мерами поддержки законопроект имеет потенциал стать эффективным инструментом для роста инвестиций и выполнения тех задач, которые были поставлены президентом (это рост экономический и доведение доли инвестиций в структуре ВВП до 25 процентов). Но вместе с тем мы хотели бы отметить, что согласно мировой практике одним из самых эффективных способов достижения экономического роста являются инвестиции в инфраструктуру.

Инвестиции в инфраструктуру являются таким как бы драйвером роста, который имеет не только... это эффект в моменте, но и имеет хороший долгосрочный эффект. В частности, центр макроэкономических исследований Сбербанка в свое время сделал такой анализ, когда мы проанализировали, какой объем экономического роста способен дать 1 триллион инвестиций в инфраструктуру. И по нашим выводам, 1 трлн рублей, который инвестирован в инфраструктурные проекты, способен дать в моменте эффекта до 1,9 трлн рублей с мультипликатором 1.9 и затем в течение 20 лет дополнительно давать ежегодный рост экономики.

аа

И если посмотреть на 1 трлн рублей, который сегодня мог бы быть проинвестирован, и на эффект в диапазоне 20 лет, то 1 триллион мог бы дать дополнительно 0,25 процента роста экономике в год, то есть это очень существенный драйвер экономического роста. 0,25 процента в год каждый триллион рублей...

И в России у нас, наверное, одним из эффективных инструментов инвестиций в инфраструктуру являются наши концессии и ГЧП. Не буду повторять длинный перечень проектов, который был уже реализован успешно с 2005 года в России, но это знаковые проекты – это и западный

скоростной диаметр, и Пулковое, и Москва – Санкт-Петербург, и реализуемый проект ЦКАД, это все проекты, которые сделаны в формате концессий.

Мы, к сожалению, считаем, что в результате принятия законопроекта есть один негативный практический эффект этого принятия, да? А именно законопроект предполагает, что все другие законы (например, федеральный закон № 115) должны быть приведены в соответствие в течение одного-двух лет. Что будет происходить в течение одного-двух лет? В принципе, наверное, ни один здравомыслящий инвестор не будет готов принять инвестиционное решение по проекту на десятки, сотни миллиардов рублей, если в течение одного-двух лет планируются изменения действующего законодательства, и объем этих изменений сегодня оценить, наверное, затруднительно.

Мы прекрасно понимаем логику Минфина и обеспокоенность Минфина тем, что в России ГЧП и концессии стали очень популярными инструментами, там заключаются сотни, если не тысячи этих концессий и ГЧП-соглашений, и это способно привести к неконтролируемому росту обязательств бюджета Российской Федерации в перспективе в случае расторжения этих концессионных либо ГЧП-соглашений.

Но хочется сказать, что, соответственно, эти изменения, которые, вероятно, будут направлены на ограничение числа особых обстоятельств, при которых выплачивается компенсация инвесторам, и на иные меры, которые призваны как-то упорядочить объем выплачиваемых компенсаций, они, скорее всего, будут иметь эффект снижения привлекательности инфраструктурных проектов для инвесторов и банков. И мы считаем, что, наверное, одним из эффектов на один-два года будет то, что там в том числе принятый Правительством Российской Федерации комплексный план реализации инфраструктурных проектов модернизации магистральной инфраструктуры уже задерживается в реализации на один-два года. Если

дополнительно на один-два года будет некая неопределенность в последствиях для законодательного поля о концессиях и ГЧП, в общем-то, данный документ, как комплексный план, наверное, в принципе, не будет иметь шансов на успешную реализацию до 2024 года.

Поэтому наше предложение. Безусловно, мы поддерживаем банковское сообщество и в целом инвестиционное сообщество относительно того, что имеет смысл исключить концессии и ГЧП из статьи 1 законопроекта, для того чтобы мы все-таки могли добиться экономического роста, реализовывать планы по инвестициям в магистральную инфраструктуру. А вопросы учета обязательств мы предлагаем решать через методику учета этих обязательств, то есть через подзаконные акты полностью поддерживаем позицию "Газпромбанка" в этом вопросе.

Отдельно хотелось отметить, наверное, дополнительно, что концессии и, вообще, инвестиции в инфраструктуру и ГЧП-проекты существенно отличаются от частных инвестиционных проектов. Здесь заказчиком выступает государство, все бенефиты, преимущества реализуются государством и гражданами Российской Федерации. Поэтому нам нельзя применять единые критерии к ГЧП проектам и к частным инвестиционным проектам. Но относительно многомиллиардных проектов в расширении магистральной инфраструктуру, соответственно, вряд ли эти проекты могут быть там реализованы целиком за счет частного капитала.

И в этой связи хотелось бы сказать, что одним из важных новшеств закона является наличие проектного режима, когда инвестор, заключив соглашение о защите и поощрении капиталовложений, имеет возможность получить стабилизационную оговорку и наслаждаться теми преимуществами, которые этот режим дает.

аг

Сегодня среди критериев распространения проектного режима (это статья 14, раздел третий) есть несколько важнейших. Первый – это размер бюджета проекта. И второй – это размер собственных инвестиций в проект. Есть там выделение ряда сфер: там социальная сфера, сфера культуры, там цифровая экономика. Но основная часть проектов будет распространяться на иные сферы экономики, для которых там заданы критерии. Это бюджет проекта 25 млрд рублей минимальный, для того чтобы возможность иметь заключить СЗПК, и размер собственного участия 5 млрд рублей.

Мы как Сбербанк проанализировали все наши сделки по инвестиционным проектам, то есть наши кредиты, которые выданы для реализации инвестиционных проектов за последние десять лет (это 657 инвестиционных проектов), и посмотрели, соответственно, какие из этих проектов имеют общие бюджеты, а в каких из этих проектов имели место быть собственные инвестиции. И увидели, что из, предположим, 657 проектов критерию "размер собственных средств свыше 5 млрд рублей" соответствует всего 23 проекта за десять лет. Это менее 5 процентов всех проектов, которые там профинансировал Сбербанк. По размеру общего бюджета проекта это 25 проектов из 657. Это опять-таки менее 5 процентов.

Вывод какой? Если у нас будет принят законопроект с теми критериями, которые сегодня заложены (требования к общему бюджету проекта и к собственному участию), в общем-то, этот законопроект будет иметь СЗПК, заключенные соглашения, может, в объеме, не знаю, там 10, 15, 20 в год, дай бог, и быстро они закончатся, за несколько ближайших лет.

Таким образом, конечно, предложения из этого вытекающие (это статья 14, раздел третий). Нашим базовым предложением было бы распространить автоматически проектный режим на инвестиционные проекты, которые заключаются в Российской Федерации, без критериев применения в принципе, чтобы каждый инвестор, который инвестирует

средства, мог иметь возможность наслаждаться теми преимуществами проектного режима, которые у нас есть. Но, будучи реалистами, понимаю, что могут у нас быть тысячи, десятки, может, миллионы таких проектов. Но, по крайней мере, необходимо точно, существенно в пять – десять раз снижать эти критерии, чтобы собственное участие минимальное было у нас от 500 млн рублей и бюджет проекта, не знаю, был бы там как минимум 2,5 млрд рублей.

И третье замечание, важнейшее, это определение собственных инвестиций (статья 2). Опять-таки по нашей банковской практике финансирования инвестиционных проектов инвестор не ограничивается со стороны банков в способах формирования собственных инвестиций. Сегодня, к сожалению, в законопроекте представлено очень узкое определение собственных инвестиций – это вклады в уставной капитал.

В мировой практике, когда инвестор формирует собственное участие, является золотым стандартом сочетание вкладов в собственный капитал (то есть уставный капитал) и акционерных займов в пропорции 1:3.

То есть, если мы сегодня возьмем, скажем, минимальный критерий собственного участия в виде вкладов в уставной капитал 5 млрд рублей и применим эту пропорцию 1:3, то собственное участие будет 20 млрд рублей. Если к этому применить leverage проекта такой, как типовой – 70–80 процентов, то минимальный размер бюджета проекта при котором можно будет заключать проектный режим, это 100 млрд рублей. То есть в этом случае у нас де-факто таких проектов в России с CAPEX, превышающим 100 млрд рублей, буквально единицы. То есть проектный режим в принципе не будет работать. Это будет проектный режим одного, двух, трех, пяти проектов максимум в Российской Федерации.

Поэтому наши предложения – это поменять в статье 2 определение собственных инвестиций, не ограничивать инвесторов в способах формирования собственных инвестиций, разрешить учитывать

акционерные займы и иные способы при формировании собственного участия. Спасибо большое. Доклад окончен.

А.Г. ДМИТРИЕНКО

Спасибо большое, Константин Валерьевич.

Кстати, то, что Вы сказали сейчас именно по поводу той квотиальности этого подхода, который сейчас предлагается применять к большим инфраструктурным проектам. Он, кстати, может привести именно к серьезному дисбалансу уровня развития как субъектов, так и целого ряда отдельных отраслей и территорий.

мс

Потому что данные критерии на самом деле (я с Вами полностью согласен), наверное, неприемлемы. Они очень узкие, и тем самым мы отпугнем, это будут реально единичные проекты с такими CAPEX, поэтому...

РЕПЛИКА

(Микрофон отключен. Говорят одновременно.) ...То есть они не действуют.

А.Г. ДМИТРИЕНКО

Я с Вами полностью согласен.

Спасибо большое еще раз.

Далее Соколов Владимир Владимирович, директор, руководитель практик в сфере ГЧП PricewaterhouseCoopers Россия.

В.В. СОКОЛОВ

Добрый день, уважаемые коллеги! Рад всех приветствовать в рамках такого совещания, которое уже так бодро началось.

В общем, наверное, все знают, что тема СЗПК, в общем-то, всегда привлекала общественное внимание с того момента, как только эта история появилась. Ну, конечно, после вчерашних событий и непосредственного упоминания президентом она стала еще более

актуальной. Я бы хотел в своей речи не повторяться (коллеги уже говорили), а сосредоточиться, может быть, на нескольких технических важных моментах.

Действительно, возникает вопрос (часто все о нем говорят), почему такой законопроект, насколько он важен. И, наверное, два момента хотелось бы отметить действительно.

Первое – по сфере применения. Очень часто бывает действительно такое мнение, что сам этот законопроект в большей степени сосредоточен действительно на соглашениях. Ну, это понятно, потому что это самая важная часть, самая интересная. Но все-таки, наверное, давайте говорить о том, что важность законопроекта прежде всего определяется тем, что он по факту распространяется, в общем-то, на очень широкий перечень видов инвестиционной деятельности. То есть, по сути (смотря, как сформулирован пункт 3 статьи 1), мы говорим о том, что любая хозяйственная деятельность, бизнес-деятельность, кроме четырех областей – банковская, страхование, НКО (некоммерческая и коммерческая деятельность) и доленое строительство, – по факту подпадает. И поэтому, конечно, когда мы говорим о законопроекте, мы должны именно понимать, что мы говорим об очень, очень широком круге задач.

Дальше, собственно, поскольку мы говорим, что у нас есть два режима инвестиционной деятельности – проектный и общий, то мы, в общем-то, приходим к тому (как определено в статье 5), что фактически, на практике, если любое юридическое лицо либо бизнесмен, индивидуальный предприниматель в любом регионе хочет реализовать инвестпроект (не важно, какой у него бюджет, он может быть 10 рублей) и он в рамках этого бюджета претендует на какую-то из мер господдержки (их всего 18, они перечислены в статье 1, в пункте 1.2 статьи 10)... То есть, если вкратце, у нас любая субсидия, любая льгота по налогам и сборам, таможенным сборам, аренда земельных участков, предоставление

госимущества, вклады в уставный капитал, в общем, все, что можно придумать, — это, собственно, так или иначе мера господдержки, то есть она понимается очень широко. И в данном случае какой-то дополнительной льготы нет, но на него распространяются все положения этого законодательства. То есть, соответственно, когда мы говорим об этом законе, мы все-таки говорим не об очень таком узком круге задач, мы говорим о законе, который будет распространяться фактически на всю российскую экономику, за очень небольшими исключениями.

Соответственно, что предоставляет закон в рамках статьи 7? Он действительно предоставляет то, о чем говорится и что очень важно, — гарантии неухудшения деятельности. То есть действительно это важный момент. Вводится понятие о том, что принятие любого законопроекта, который ухудшает определенным образом, усложняет деятельность, должно быть отложено на три года. То есть некая стабильность законодательства, это очень-очень важно. Это первый момент, он коснется всех.

Второй момент. Хотел бы согласиться с Константином в том, что соглашение о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК) — это действительно не для всех, а, скорее всего, несмотря на то что в рамках него есть возможность зафиксировать льготы и получить большой период комфорта, это действительно очень важные моменты, меры господдержки, которые предусмотрены в статье 17 законопроекта. Но их действительно будет, наверное, немного, они будут исключительными историями, то, как это сейчас предусмотрено. Во-первых, в принципе нормы вступают через год. То есть, соответственно, когда бы мы ни приняли закон, нужно объективно исходить из того, что воспользоваться этой льготой нельзя будет в ближайшие год-два. Во-вторых, для его принятия нужно будет принятие ряда подзаконных актов, поэтому это тоже займет какое-то время. Скорее всего, ближайшие два-три года, по практике, это будет некий переходный период.

Поэтому в моем понимании нужно сконцентрироваться в большей степени, может быть, не только на... если не менять показатели, те ограничения, все-таки на общем режиме, проектном, потому что он, совершенно точно, коснется практически всех в России.

еб

Второй важный момент — это действительно значимость этого закона. С точки зрения пунктов 1 и 2 статьи 3, в общем-то, положения этого законопроекта будут иметь приоритет перед всеми другими нормами.

Из статьи 7 тоже вытекает приоритет закона. Почему? Потому что гарантия как сформулирована? Гарантия говорит о том, что запрещается принимать законопроекты, которые ухудшают определенные действия, в течение трех лет. Ну, тоже понятно, что, значит, законопроект важен, он более значим, чем другие законопроекты.

Что происходит? Мы вводим новые принципы предоставления господдержки (это пункт 5 статьи 10), создание реестра (о нем много говорили), ну и, конечно же, финансовый аудит. То есть, соответственно, все эти механизмы, по идее, должны так или иначе быть каким-то образом интегрированы в российское законодательство инвестиционное, то есть от бюджетного до, там, земельного и так далее, потому что предоставление земли, предоставление имущества таким или иным образом войдет. В принципе, если мы читаем закон до конца, мы эту идею видим в пункте 1 статьи 25. Там как раз и говорится, что в течение одного года все российское законодательство — регионального, муниципального, федерального уровней — должно определенным образом быть к нему приведено.

Из этого мы делаем вывод, который, в общем-то, очевиден, — что этот закон коснется всех. В моем понимании, скажем так, невозможно сказать, что он не повлияет на инвестиционный климат. И, наверное, по степени влияния на бизнес действительно можно сказать, что разработчики

законопроекта очень масштабную задачу перед собой ставят (наверное, сопоставимо для бизнеса...) – принятие новой части Гражданского кодекса. Может быть, для органов госвласти... Вот представьте, что Бюджетный кодекс полностью реформируется, – то есть это примерно такой масштаб задачи.

Сам законопроект все-таки еще прямо предусматривает помимо себя принятие более 15 подзаконных актов – постановлений правительства и так далее. То есть это очень-очень важный и объемный документ. Соответственно, наверное, можно будет говорить о том, что после его принятия и у парламента, и у нового Правительства России будет много работы по принятию подзаконных актов, законов, которые будут приниматься в развитие после принятия этого закона. Регионы – я тоже отдельно хотел бы об этом сказать.

Вот к положительным моментам... Все-таки, мне кажется, действительно нужно подчеркнуть то, что гарантии стабильности – это очень важный момент. Все о них говорили, не буду повторяться, но важно, что они есть.

Второй момент. Мне тоже кажется, что реестр мер господдержки – это очень такая сама по себе бесспорная идея. Можно обсуждать, в каком формате нужно делать, но в целом у нас сформулировано в статье 10, в пунктах 6, 7, 8, предполагается, что реестр будет публичным и все будет опубликовано в интернете, будет содержаться информация о муниципальных мерах, региональных мерах, федеральных мерах. То есть это будет единый сквозной реестр всех мер господдержки – то, что впервые в России делается (такого масштабного мероприятия еще никто не делал), и в нем будут храниться данные, обновляться данные о том, какая мера (меры) господдержки, цель, ожидаемый результат ее предоставления, орган власти, который предоставил поддержку, и указание на нормативный акт, которым регулируется порядок ее предоставления. То есть в идеале

будет в публичном доступе. Вот вы из Москвы заходите в интернет и можете узнать, как, там, в Карелии, я не знаю, в муниципальном округе было принято решение о той или иной муниципальной поддержке.

Тут есть нюансы, наверное, о которых еще будут говорить. Не являюсь большим экспертом в этом вопросе — о том, на каком уровне и что надо делать, но тем не менее, мне кажется, это важный момент.

И опять же финансово-экономический аудит — в принципе тоже важная и интересная штука, подтверждение того, что то, что мы хотим делать, — это разумно. В принципе такая попытка уже была, делалась в законах о государственно-частном партнерстве, как сравнительное преимущество, но это некое развитие.

То есть, соответственно, масштаб задачи означает значимость каждой детали, потому что если мы говорили о локальном законопроекте, который касался локальной задачи, — это один масштаб, зазор, да? А когда мы говорим о таком масштабном законопроекте, то крайне важно все по возможности выверить.

Собственно, хочу тоже согласиться с тем, что... Какая у нас главная цель? О чем говорил вчера Президент Российской Федерации? О том, что мы принимаем этот законопроект для чего? Прирост инвестиций. То есть главная наша цель, для чего это в том числе делается, — прирост инвестиций. И тут, соответственно, очень важно, имея одну форму регулирования инвестиционной деятельности (это действительно инвестиционный кодекс), перейдя к новой форме регулирования инвестиционной деятельности, как бы по дороге ничего не потерять и ничего не "подзаморозить", вот избежать эффекта "узкого горлышка", когда одни правила уже либо не применяются, либо все понимают, что они скоро не будут применяться, а новые мы еще как бы не знаем, как применять. Вот это, наверное, ключевой момент. Я совершенно точно знаю, что разработчики законопроекта его знают, учитывают и прилагают

усилия, чтобы это все каким-то образом прошло гладко, но тем не менее невозможно об этом не говорить, потому что это действительно значимость.

сз

Если что-то вот здесь упадет, то тень сомнений упадет на сам закон (да?), целиком на процедуру. Соответственно, по факту нам нужно будет, чтобы этот закон реализовать, десятки НПА принять.

Как уже говорили, инвестиционный проект, процесс представления, — это очень длинный процесс с большой инерцией. То есть что-то начинается и долгое время занимает.

Но я, наверное, два момента хотел бы отдельно подчеркнуть. Первое — это регионы и их влияние. Скорее всего, регионы могут приостановить некую свою инвестиционную активность. Почему? Потому что ряд законов... Допустим, в подпунктах 3 и 4 пункта 9 статьи 4 указано, что порядок проведения финансового аудита (он через два года, но тем не менее) оставляется в развитие того, как это на федеральном уровне. Порядок реализации публичных инвестиционных проектов (очень важный инструмент (статья 9), тоже важно) — тоже в развитие порядка. Что это означает? Это означает, что свою нормативку регионы смогут принять только после того, как будет федеральная принята по многим пунктам. Соответственно, скорее всего, что они будут делать? Они ничего не будут делать. Да, они приостановят свою деятельность. Вот это важный момент, хотелось бы этого избежать, потому что это те деньги, которые нужны регионам, это инвестиции, которые нужны регионам.

Рынок ГЧП (ну, опять же уже об этом говорили) — это специальный рынок. Исходя из общих норм, приоритет будут иметь нормы инвестиций, нашего инвестиционного кодекса. Соответственно, у нас есть (статья 9) понятие публичного инвестиционного проекта, однозначно все концессии (а это публичные инвестиционные проекты). Нормы о ПИП (публичном инвестиционном проекте) вступают в силу немедленно. Соответственно, у

нас получают в момент принятия закона две параллельные системы документов. То есть у нас есть процедура, которая предусмотрена законами № 115 и № 224, у нас есть процедуры, которые предусмотрены правилами публичного инвестиционного проекта (этот подзаконный акт пока не принят), и так далее, и так далее, и так далее. Я немножко ограничен по времени, но там очень много процедур, которые по пунктам... Там правила предоставления мер господдержки, ведение реестра господдержки – все это нужно интегрировать в процессы. Скорее всего, как бы все ни хотели, это сделать будет не так-то просто.

Соответственно, наверное, главный пункт... Хотелось бы о чем сказать? Отдельно, конечно, собственно, инвестиция – это действительно очень важный момент. Разработчики говорили, что они, может быть, что-то здесь сделают. Хотелось бы более предметно это понимать. Но это правда очень важно. Например, рынок концессий, скорее всего, просто не сможет быть реализован, если эта норма не поменяется, мы просто соотношения не достигнем никогда. Потому что нельзя предоставить мер господдержки больше, чем ты предположил денег в уставный капитал.

Отдельно еще хочется сказать о рынке ЖКХ, ЖКХ-концессий. Это несколько тысяч концессий, которые были заключены.

С МЕСТА

Десятки тысяч.

В.В. СОКОЛОВ

Ну, десятки тысяч все-таки нет, где-то примерно под 2,5–3, в этом диапазоне.

Суть в чем? Чем эти концессии отличаются от большинства всех других режимов? Они по сути обязательные. То есть если мы концессию... хотим строить больницу или дорогу – можем строить, можем не строить, то по имуществу, которым располагают муниципалитеты, по сути, они никак иначе, кроме как через концессию, пройти не могут.

Вопрос: как это повлияет? Наверное, можно предусмотреть (это мое личное мнение), закон принять, у него есть важные и нужные моменты. Но вот вопросы, связанные с внедрением тех или иных элементов... Может быть, откладывать вступление в силу моментом принятия подзаконных актов и, может быть, там плюс какое-то время, чтобы обеспечить плавность. Ну и нужно подумать в целом вообще на самом деле, учитывая все эти сложности, нужно ли вот такой чувствительный, очень тонкий инструмент, как ГЧП, именно вот сейчас включать. Ведь его можно в принципе добавить в периметр потом, когда закон себя покажет положительным образом.

Ну, наверное, все пока. Спасибо.

А.Г. ДМИТРИЕНКО

Спасибо Вам.

Единственное, все-таки я, если позволите, по ходу Вашего выступления задам уточняющий вопрос. Вы затронули два инвестиционных режима – общий и проектный. Все-таки каково отношение к общим инвестиционным режимам? Особенно меня это интересует. Вот Вы так вскользь упомянули. Вы не могли бы это уточнить?

В.В. СОКОЛОВ

Собственно, если по области деятельности, то общий режим – это любой инвестиционный проект в России, то есть это создание ларька, если вы, например, хотите получить землю с льготой или бесплатно, или, например, какая-нибудь субсидия предоставления сельскому хозяйству. Это не только рынок ГЧП или большое строительство, это, по сути, любые-любые направления бизнеса.

С МЕСТА

По ведению. Просьба регламент все-таки соблюдать.

ог

А.Г. ДМИТРИЕНКО

Спасибо большое.

Так, у нас был еще один заявившийся на выступление.

Господин Еганян есть?

Буквально 3 минуты, пожалуйста, будьте добры. Потому что в принципе это всё сказано уже.

А.С. ЕГАНЯН

Да, спасибо. Там нет... *(неразборчиво)* ...дополнений существенных, потому что мы только одно направление... *(Микрофон отключен. Неразборчиво.)*

Алексей Геннадиевич, спасибо Вам, спасибо Юрию Викторовичу, Константину Константиновичу и Юрию Ивановичу. Чем бы ни закончилась эпопея ближайших пары месяцев... Потому что...

С МЕСТА

(Микрофон отключен. Не слышно.)

А.С. ЕГАНЯН

Да, мы тоже на это надеемся, но с октября идет активно эта эпопея, и кроме Совета Федерации... А в вашем лице — благодарность Совфеду за то, что в свое время рынок был выслушан и поправки состоялись. По крайней мере, есть о чем разговаривать. Только после того, как Совфед внес поправки, все остальные прочитали этот "гросбух", который был внесен, ужаснулись, и только после этого Госдума, регионы и все остальные субъекты законодательной инициативы начали валить поправки, которые в принципе существенно корректируют закон.

В законе три ключевых проблемы. Я, с вашего разрешения, поскольку было велено коротко, постараюсь срезая углы и деепричастные обороты. В законе три основных проблемы.

Проблема № 1 — проблема с промышленностью, с промышленными инвестициями.

Проблема № 2 – это проблема с инвестициями регулируемых компаний, госмонополий: РЖД, "Газпром", "Россети", "Ростелеком" и так далее (но, я так понял, Анатолий Анатольевич будет про это добавлять, поэтому тоже опускаю).

И третья проблема – это проблема с инвестициями в инфраструктуру.

Что происходит? Рассмотрим промышленность против инфраструктуры. В случае с промышленностью весь этот закон – это один большой эксперимент над промышленностью. Но в случае с промышленностью это игра с нулевой суммой – в том смысле, что если эксперимент не удастся, то промышленности хуже от этого не становится. Это означает, что закон просто не сработал и все осталось как есть, нет пострадавших.

В случае же с концессиями это инвестиции в инфраструктуру. И получается следующее. Ставя эксперимент над промышленностью, так сказать, принудительно делая промышленности хорошо, одновременно с этим ставится под риск рынок инвестиций в инфраструктуру, а это, на минуточку, 3 трлн рублей – 3 трлн рублей, которые уже были проинвестированы, – и еще 3,2 трлн рублей, которые заявлены на ближайшие годы. В итоге получается, что нулевой риск по промышленности у нас стоит против риска на 6,2 трлн рублей.

В принципе рынок инвестиций в инфраструктуру чувствовал себя до 1 ноября прошлого года, в общем, очень спокойно. Потому что мы видели, как развивается закон, понимали, что он проходит ту же самую дорогу, которую в 2005 году проходил закон о концессии, когда его принимали. Мы проходили один в один те же самые развилки, которые сейчас проходятся в законе о СЗПК, лукаво улыбались, говорили: "Ничего, ничего. Сейчас примете этот закон, увидите, что он не работает, и после этого быстро пройдете тот путь, по которому мы уже проходили".

В самый последний момент ради эксперимента добавили туда нас, а именно инвестиции в инфраструктуру. Я прошу иметь в виду, что под инвестициями в инфраструктуру мы имеем в виду не только железные дороги, автомобильные дороги и не столько: медицина, социалка — в статье 4 широкая номенклатура. В итоге получается следующее — что в закон, который был изначально рассчитан на промышленных инвесторов, в самый последний момент были добавлены инфраструктурные инвестиции.

Смотрим на опыт наших соседей или на опыт дальних стран и так далее. Этот научный эксперимент еще ни у кого не удавался. Везде регулирование промышленности и регулирование инфраструктуры идут раздельными блоками. Никому в мире не удавалось выстроить единое регулирование. Разные классы активов, разные типы инвесторов, разные инвестиционные процедуры — все разное.

Постоянно идет ссылка на поручение президента. Если обратить внимание на его вчерашние высказывания, там речь была только про срок. Если обратить внимание на сегодняшнее высказывание будущего премьер-министра, там тоже речь шла про то, что "давайте это сделаем быстро". Но никто не говорил сделать это в одно касание. Если посмотреть на бумаги, то тоже везде говорится о создании благоприятного климата для инвесторов, и нигде в поручениях не написано, что нужно было записать под этот закон всех инвесторов, включая инфраструктурные инвестиции.

В итоге мы опасаемся следующего — что мы получим такую же ситуацию, как по итогу реформы госгарантий.

св

Что происходило с реформой госгарантий? Если смотреть на сопроводительные материалы, то нормативная база по модернизации госгарантий заносилась в Государственную Думу, в Совет Федерации, ну и дальше по инстанциям, как мегапольза для инвестиционного рынка. У нас

сейчас в Российской Федерации действительно отличная нормативная база в сфере регулирования государственных гарантий. На нее ссылаются наши соседи по ЕАЭС, казахи, белорусы и так далее. Есть одно маленькое "но": с момента реформирования у нас не было госгарантий, а нормативная база отличная. В итоге получается следующее. До реформы у нас было большое количество инвестиций, которые были связаны с этой процедурой. По итогам реформы чудовищная нормативная база, только ноль инвестиций через эту процедуру.

Я согласен с предыдущими ораторами относительно того, нельзя откладывать принятие нормативной базы с этим предлагаемым лагом в два года по одной простой причине: у нас на настоящий момент по нормативам Центрального банка, по сложившимся правилам на рынке и так далее период, на который рассматриваются инвестиции в инфраструктуру самый минимум составляет семь лет. Это означает на практике, что никто здесь из присутствующих даже в миниатюре не будет инвестировать в инвестиционный проект, с которым не пойми что произойдет через два года. Поэтому для рынка, к сожалению, это не спасение.

Также стоит иметь в виду следующее, что факт того, что это отнюдь не инвестиционный кодекс, установлен уже... Вот кто у нас в стране главный по кодексам? Совет по кодификации при президенте. Там в их заключении установлено, что это не инвестиционный кодекс. ГГПУ администрации президента – тоже большой список и тоже все говорят об одном: "Уберите концессии и ГЧП".

Возникает несколько других нюансов. Я специально не ухажу в детали, я приношу извинения, если у меня слишком длинно получилось, но некоторые примеры, просто для того чтобы продемонстрировать сложность закона. У нас концессия – это гражданско-правовое соглашение. Все инвестируют в гражданско-правовое соглашение. Получается, что

СЗПК в реальности не является гражданско-правовым соглашением. Это не наше мнение, а позиция ГГПУ. И получается, что административное соглашение, из него вытекает гражданско-правовое соглашение, что в принципе нонсенс. В соответствии с действующим законодательством при разнице двух типов толкование будет идти в сторону публично-правового соглашения, а не гражданско-правового.

Дальше. На рассмотрении в профильных комитетах было установлено, что этот закон даже в части стабилизационной оговорки не сработает без специальных изменений в налоговое законодательство, которых пока не предполагается.

У нас возникают проблемы с Центральным банком, которые в нынешнем виде не могут санкционировать банкам инвестиции в рамках этого закона.

И последнее состоит в следующем. 2005 год – закон о концессии, 2015 год – закон о ГЧП, принятие. У нас там была большая эпопея и битва по поводу того, что нельзя делать больше, чем один нормативно-правовой акт, вытекающий из закона, и в этом смысле оба этих закона являются законами прямого действия без всякой вытекающей нормативно-правовой базы. В случае с СЗПК у нас 17 вытекающих документов.

Большая просьба. Мы не против регулирования закона об инфраструктурных инвестициях. Мы понимаем, что концессии нужно регулировать. Мы понимаем, что ГЧП нужно регулировать. На площадке комитета каждый из здесь присутствующих представителей инфраструктурного инвестсообщества сам может рассказать, что нужно менять в концессиях и ГЧП. Просьба подходить к этому вопросу отдельно от типов инвестиций в промышленность, поскольку это разные сферы. Для этого мы просим исключить из СЗПК концессии и ГЧП путем удержания тех поправок, которые внесены вашими уважаемыми коллегами по согласованию с вами. Это первое.

И второе. Мы действительно хотели бы провести процедуру по обсуждению потом изменений в № 115-ФЗ и в № 224-ФЗ, поскольку нам самим есть что на эту тему сказать.

Также при необходимости могу прокомментировать относительно...

А.Г. ДМИТРИЕНКО

Прошу прощения. Заканчивайте, пожалуйста.

А.С. ЕГАНЯН

Тогда все. Спасибо большое.

А.Г. ДМИТРИЕНКО

Спасибо.

В общем-то, тренд понятен, задача понятна, озабоченность выражена всеми в одном направлении. Если я не ошибаюсь...

Пожалуйста, представьтесь.

А.А. МЕЩЕРЯКОВ

Анатолий Мещеряков, РЖД.

Альберт сказал про три проблемы, я скажу про среднюю, про регулируемые организации, потому что...

вб

Опущу все слова о важности закона и так далее и тому подобному, но, к сожалению, иногда благими намерениями... мы знаем, куда мы можем пойти. Я просто в деталях.

Закон хорошо предусматривает стабилизационные условия, в том числе стабилизацию возможных тарифов естественных монополий и других регулируемых организаций. Если мы для одной компании что-нибудь стабилизируем, значит, все другие участники рынка за это заплатят, если не предусмотрено какой-нибудь компенсации. Это не только в РЖД, это во всех: то ли это в регионе заплатят, то ли это, как у нас, по всей стране. То есть фактически за реализацию инвестиционного проекта в каком-то регионе заплатят компании и граждане всей остальной страны, если нет

компенсации, если это не экономически выгодно. Если экономически доход, выгоду получает от этого государство, то резонно, что оно должно каким-то образом эту экономическую невыгоду для других компаний оплатить. Это, кстати, ГПУ очень четко в своем заключении говорит.

Я не говорю уже про вопрос, что установление отдельных преференций для какой-то конкретной компании на рынке – это вообще не... Антиконкуренция для всех других компаний – это создание привилегированных условий для конкретного производителя или кого-нибудь.

Следующая история – об обязательности включения развития инфраструктуры в инвестиционные программы опять регулируемых компаний. Но опять если это экономически целесообразно для самой регулируемой компании и не несет убытков и доходов, то все регулируемые компании и сами это всё включают и всё разбирается. Если это экономически нецелесообразно, я прошу прощения, читая пункт 1, кто за это будет платить? Значит, вся остальная страна.

Второй вопрос, который технический. У всех регулируемых компаний инвестиционная программа ограничена. Каким образом будет включаться даже при экономической целесообразности?.. Методика включения того или иного проекта в инвестиционную программу естественной монополии. Я прошу прощения, или коррупция, договариваемся и прямо это предоставляем, или надо даже методику, потому что всё включить невозможно.

Следующая история, которую я хочу очень быстро поднять, – это вопрос об ответственности инвестора. Опять же ГПУ поднимает вопрос. Ни слова... Здесь упомянуто о том, что инвестор несет какую-то ответственность, но какую, где чего – это не предусмотрено. Вы прекрасно все понимаете и в регионах везде, что и энергетики говорят, и мы, что созданы определенные мощности под заявки инвесторов, которые в

настоящее время простаивают, и их опять оплачивают все остальные участники рынка.

И маленький такой нюанс. Я прошу всех просто помнить, что регулируемые организации такие же коммерческие компании на сегодняшний день и ОАО. И если принятие решений экономически невыгодные для регулируемых компаний, и совет директоров, и правление компаний наносят ущерб компании... читай дальше – уголовное преследование. Поэтому тут или это надо жестко урегулировать в законодательстве, или вообще не рассматривать этот вопрос.

А.Г. ДМИТРИЕНКО

Спасибо большое. Ваше мнение понятно. Мы его отчасти разделяем, то есть все совершенно очевидно.

Коллеги, я бы хотел предоставить слово... Буквально вкратце. У нас присутствуют коллеги-сенаторы, которые также являются авторами тех поправок. Учитывая, что уже канва изложена... *(неразборчиво)*, поэтому...

Прошу... *(Имя, отчество неразборчиво.)*

Спасибо, Алексей Геннадиевич.

Тут мы уже сегодня нарвались на комплименты, но на самом деле после вчерашнего послания президента это самая быстрая реакция Совета Федерации конкретно на послание. И дата – 16-е число – у нас была до послания, она была известна еще в декабре, что мы будем совещание проводить. Мы, как говорится, попали в яблочко.

Закон важнейший, закон нужный, но в той части, в которой он сейчас есть, в первом чтении, он очень опасен для бизнеса. И то, что сегодня все коллеги, эксперты свои опасения представили, – на самом деле практически в наших поправках все это есть на 100 процентов. Мы пока не видели еще текста второго чтения. Посмотрим, может быть,

ФОИВы услышали нас, и, возможно, мы и зря сегодня собрались, может, все это будет учтено.

аа

Поэтому в любом случае Совет Федерации, наш комитет, будет держать руку на пульсе, и так просто, в том виде, в котором он есть, закон точно не пройдет через наш комитет. Мы не враги своей стране и инвесторам. Спасибо.

А.Г. ДМИТРИЕНКО

Константин Константинович Долгов, прошу Вас.

К.К. ДОЛГОВ

Спасибо большое. Я полностью согласен и с Вами, и с Юрием Викторовичем, с коллегами. Я думаю, что мы сегодня не зря собрались, потому что то, что мы услышали от уважаемых представителей банков, давайте назовем так – интересантов, в очень хорошем смысле этого слова, это важно. Да, мы, конечно, в курсе этих озабоченностей. И мы учли, постарались по максимуму учесть эти озабоченности в том большом сете поправок, которые внесены были нами в Государственную Думу ко второму чтению. Мы, естественно, будем настаивать на наших поправках. Вы сказали, что чем бы ни закончилось... а закончиться это должно все одним. Это должно закончиться, по нашему мнению, максимальным учетом наших поправок и тех позиций, соответственно, которые мы с вами разделяем здесь, с тем, чтобы не нанести ущерба инвесторам, поскольку президентом вчера задача, абсолютно согласен, была сформулирована очень четко. Нам нужно фактически на новый инвестиционный цикл выходить. Да, абсолютно, принципиально иные темпы прироста инвестиций, мы все их знаем. Надо быстрее принимать закон, но скорость не в ущерб качеству.

Я хотел бы просто, уважаемые коллеги, к тому, что вы сказали насчет регионов, маленькую поправку внести. Дело в том, что регионы, я

представляю Мурманскую область, где очень болезненно (и обоснованно болезненно) восприняли ту редакцию законопроекта, которая была внесена к первому чтению... поправки от регионов, их позиции и поправки пошли волной не после того, как мы сформулировали наши поправки, а это был синхронизированный процесс, потому что мы отражаем позиции регионов, естественно.

И передо мной лежит позиция Мурманской области, которую они направляли и нам, и в Государственную Думу. Я, естественно, не буду это зачитывать. Это вполне конкретные вещи. Они приводят примеры, я просил сделать коллег в Мурманске, привести примеры, что пострадает от того, если в таком виде, неизменно будет принят закон. И вот огромный, серьезный проект, федеральный инвестиционный проект, стоимость — 26 млрд рублей, до 50 млрд рублей другой, 2 млрд рублей концессионный... я не буду сейчас называть. *(Оживление в зале.)* Главный, Вы правильно говорите. Главный и так далее. Естественно, и транспортный узел. Мы знаем все эти проекты, да? Просто сейчас это серьезнейшие вопросы.

И, конечно, абсолютно согласен насчет разделения промышленности и инфраструктуры, это совершенно разные инвестиционные режимы. Самое главное, что мы не должны оказаться в ситуации (извините, пожалуйста, за голос), когда после принятия закона ситуация ухудшится на инвестиционном направлении. А такие реальные опасения есть. Это не просто опасения, это уже фактически расчеты и подсчеты. Поэтому, конечно, мы будем на наших поправках настаивать. Когда у нас выступал господин Орешкин, он нам сказал публично фактически, открыто, что проект в таком виде не устраивает, во всяком случае Министерство экономического развития не устраивает. И вы знаете промежуточный исход дискуссии в Думе. Поэтому мы имеем все основания полагать, что будет проведена соответствующая работа, доработка проекта. Но я еще раз подчеркну, спасибо за те позиции, которые Вы подтвердили. Мы,

несомненно, будем их учитывать и будем опираться на мнение тех, кто реально работает на инвестиционном рынке. Спасибо.

А.Г. ДМИТРИЕНКО

Спасибо.

Юрий Иванович Важенин.

Ю.И. ВАЖЕНИН

В принципе, уже повторяться начнем. Самое главное, что все, о чем говорилось и изложено в поправках, могу сказать, в том числе и по регулируемым организациям, действительно, это целый раздел, там порядка пяти статей необходимо изменять. По концессии тут вообще вопросов нет. Наверное, только ленивый не написал о том, что это надо исключить и так далее. Поэтому мы сейчас как борцы-заочники, мы не знаем, что будет подготовлено ко второму чтению. Я думаю, что по крайней мере заверяем, как члены Совета Федерации...

К.К. ДОЛГОВ

Что мы сделаем, да.

Ю.И. ВАЖЕНИН

Да, что мы сделаем все, чтобы вот эти поправки, или по крайней мере то, о чем говорилось в концессии о регулируемой организации, чтобы все-таки все было учтено и ко второму чтению все устранено и так далее. Спасибо.

сб

А.Г. ДМИТРИЕНКО

Спасибо.

Но как раз самый главный вопрос: что представит правительство ко второму чтению?

Поэтому я предлагаю передать слово сейчас представителям министерств. Учитывая немножечко поменявшиеся временные лаги, я

предлагаю начать с Дмитрия Станиславовича Зверева, статс-секретарь – заместитель Министра транспорта Российской Федерации. Прошу Вас.

Д.С. ЗВЕРЕВ

Алексей Геннадиевич, спасибо.

В данном случае, наверное, я в большей степени, с одной стороны, тоже резюмирую, с другой стороны, поблагодарю членов Совета Федерации, в первую очередь членов комитета, действительно за широкое представление, за хорошее полноценное рассмотрение данного вопроса и разбор законопроекта, что называется, по косточкам, который позволяет разделить механизмы, разделить инструменты.

О чем говорит мировой опыт? Мировой опыт показывает, что транспортная инфраструктура как элемент именно общественного сектора нуждается в особом механизме управления. Поэтому основное направление развития комплекса именно транспортной инфраструктуры большинства стран мира – это формирование новой институциональной модели. Именно поэтому Минтранс России на опыте реализации живых концессионных проектов исходя из необходимости соблюдения графика комплексного плана развития магистральной инфраструктуры, исходя из живой практики наличия и управления отраслью обратил внимание на специфику и невозможность применения единых механизмов, единого инструментария для промышленных и инфраструктурных инвестиций.

В этом плане мы запросили, безусловно, поручение Правительства Российской Федерации, получили его, подготовили соответствующие предложения, которые в полном объеме совпадают с предложениями членов Совета Федерации. Касаются они в первую очередь концессий, ГЧП, а именно исключения тех механизмов, а также определенных поправок с точки зрения регулируемых организаций, которые мы со своей стороны подали в качестве предложений, поправок правительства к правительственному законопроекту, принятому в первом чтении, которые

были бы официальными. Безусловно, мы их ждем, надеемся, они будут учтены. Еще раз повторяю, эта позиция никоим образом не нарушает регламент с точки зрения уже внесенного правительством, потому что мы их оформляем как официальные предложения, официальные поправки Правительства Российской Федерации ко второму чтению.

Поэтому спасибо большое еще раз, Алексей Геннадиевич, спасибо за поддержку. Мы действительно надеемся, что предложения Правительства Российской Федерации вместе с тем, что озвучено и депутатами Государственной Думы, потому что не далее, как позавчера, на расширенном заседании комитета по транспорту и строительству при докладе РЖД по итогам года 2019 и на плановый 2020 год еще раз был поднят этот вопрос. Еще раз единогласно депутаты в расширенном составе подтвердили также приверженность данным принципам. Поэтому здесь, Алексей Геннадиевич, надеемся на результаты сегодняшнего совещания, что это тоже найдет отражение в материалах.

Спасибо.

А.Г. ДМИТРИЕНКО

Спасибо большое.

Коллеги, предлагаю взять слово Михаилу Алексеевичу Расстригину, заместителю Министра экономического развития Российской Федерации.

М.А. РАССТРИГИН

Спасибо большое, Алексей Геннадиевич. Спасибо комитету за то, что Вы нас собираете, выслушиваете, за то, что представлено мнение рынка.

Мы со своей стороны подготовили тоже поправки, которые были направлены в правительство еще в конце декабря. Достаточно большой пакет – порядка 70 правок. Он учитывает практически все, что было сегодня здесь сказано. И на самом деле очень просто выступить в конце, потому что остается сказать только то, что со всеми выступающими я

согласен, и мы полностью поддерживаем тот подход, те предложения, которые были здесь сегодня высказаны.

И еще раз хочу повториться, это официально зафиксировано в том письме, которое мы отправили в правительство в качестве наших правок. Я не хочу повторяться, я, может быть, только тезисно еще раз скажу, что мы тоже считаем, что ГЧП нужно исключать, нужно еще раз внимательно посмотреть подход к регулируемым организациям и в части стабилизации тарифов, и в части их обязательств по инвестпрограммам, потому что об этом говорит не только РЖД, мы получили соответствующую позицию и от "Газпрома", и от "Ростелекома", и от "Роснефти". Компании регулируемые обеспокоены теми обязательствами, которые на них возлагаются в этом законопроекте, на наш взгляд, их нужно, конечно же, корректировать и исключать.

св

Беспокойство наше вызывает финансовый аудит, потому что он, на наш взгляд, избыточен, соглашение заключается в автоматическом режиме при соответствии критериям. В общем-то, зачем еще дополнительно проводить какие-то изучения финансовых моделей и прочего? Это дает широкое поле для усмотрения, для коррупционных проявлений, поэтому, на наш взгляд, он просто избыточен, не нужен.

Еще хочу кратко отметить о том, что, конечно, законопроект вводит большое количество новых понятий и терминов. Он, таким образом, несет, на наш взгляд, достаточно серьезное возмущение уже в текущую деятельность, которую компании ведут, и с точки зрения судебной практики, и с точки зрения прочей деятельности, бизнес-деятельности. Поэтому, на наш взгляд, надо постараться максимально сохранить устоявшиеся и используемые термины и понятия.

Не хочу больше уже задерживать, все было сказано. Еще раз большое спасибо.

А.Г. ДМИТРИЕНКО

Михаил Алексеевич, спасибо огромное. Меня прям радует, какое единство мнений наших. Я думаю, мы слегка картину подпортим.

Я предлагаю взять слово Ирине Олеговне Шатыбелко, заместителю директора Департамента проектного финансирования и инвестиционной деятельности Минфина России.

И.О. ШАТЫБЕЛКО

Спасибо огромное.

Наша цель, безусловно, все-таки защита инвестора. Мы слышим все опасения, которые высказываются. Исходя из них все-таки сейчас и готовим поправки ко второму чтению.

Попытаемся все-таки предложить некоторый компромиссный вариант. В части ГЧП мы все-таки планируем подготовить некоторые поправки непосредственно в законодательство о ГЧП и концессиях, изменения затронут вопросы учета обязательств государства. В части деятельности регулируемых организаций сейчас также активно ищем удобоваримые решения. Надеемся, что в ближайшее время найдем его, опишем и представим.

В части финансового аудита уточняется редакция непосредственно статьи. Мы не предполагали распространять ее непосредственно в каждый инвестиционный проект, тем более уж на соглашение о защите и поощрении капиталовложений. Процедура распространяется только на оценку вариантов новых мер поддержки, которая проводится Министерством финансов. В этой части также предложим уточненную редакцию. Надеемся посмотреть уже ее.

Также уточняем мы и понятийный аппарат, о котором также сегодня упоминалось.

Думаю, уже будет корректнее в дальнейшем говорить непосредственно по редакции, когда мы ее представим. Надеюсь, это будет уже в ближайшее время. Спасибо.

А.Г. ДМИТРИЕНКО

Ирина Олеговна, спасибо огромное за Ваш комментарий.

Я прекрасно понимаю, что сейчас идет рабочий процесс, все находится в работе. Все-таки огромная просьба. Я в принципе понимаю, что, наверное, тренд работы над поправками во многом у вас совпадает с теми пожеланиями, которые были высказаны сегодня экспертами и вашими коллегами, в том числе и нами. Все-таки огромная просьба более детально учесть те пожелания, о которых сегодня говорилось, потому что на самом деле сейчас возникает такое ощущение, что, учитывая пул замечаний, который был сегодня представлен, предъявлен к предложенной редакции законопроекта... наверное, легче новый закон, честно говоря. Потому что очень много, и чуть ли не по каждому пункту есть замечания, есть вопросы, есть непонимание. Поэтому еще раз говорю: очень надеюсь, что вы в процессе работы учтете наш сегодняшний разговор. И, я так понимаю, и в Минэкономразвития имеются весьма серьезные поправки к этому законопроекту, которые учитывают те проблемы, которые сегодня оговаривали.

Более того, правильно было сказано коллегой Долговым про то, что министр Орешкин не просто сказал, что в сегодняшней редакции данный документ... не совсем приемлемо, что он будет перерабатываться. Поэтому мы надеемся, что в ближайшем будущем мы увидим, что вы учли и замечания, и в этом русле ваша работа состоялась. Спасибо большое.

аа

У нас еще были несколько выступающих. Коллеги, это Антон Владимирович Финогенов, первый заместитель председателя комитета

экономического развития и инвестиционной деятельности Ленинградской области.

Готовы выступить?

А.В. ФИНОГЕНОВ

После такого резюме...

А.Г. ДМИТРИЕНКО

Я это и имел в виду. То есть есть ли смысл?

А.В. ФИНОГЕНОВ

По большому счету мы, как регион, где за последние два года 1 трлн рублей инвестиций, тоже выражаем свою озабоченность, особенно в части ГЧП и концессий. Но я бы, наверное, еще добавил. Мы направляли эти поправки в Государственную Думу о невозможности участия публичного партнера в проектах, которые для государства финансово дороже, чем реализация проекта без инвесторов, а зачастую проектов концессионных, это нормальная практика, и ограничение форм финансирования акционерами специальных проектных компаний, что тоже несколько странно.

Для нас крайне актуален момент, и я здесь Сбербанк поддерживаю, что установление возможности возмещения за счет государства затрат, связанных с уплатой процентов по кредитам и займам, только при введении проектного инвестиционного режима. Фактически особенно проекты и социальные, в сфере спорта, они у нас меньше 1 млрд рублей инвестиций. И, исходя из этого, невозможно установление мер поддержки, затруднено привлечение внешнего финансирования именно для проектов в социальной сфере с объемом инвестиций менее 1 млрд рублей.

Список можно продолжать. В том или ином виде коллеги уже озвучили эти замечания и предложения. Поэтому, наверное, для экономии регламента просто хотелось бы сказать, что, конечно, идеологически мы

закон этот поддерживаем, но практически в части ГЧП, в части вопросов, связанных с налоговыми льготами...

Например, у нас очень важная история, во многих регионах это присутствует, — налоговые льготы для отстающих территорий, для периферии. И при установке мер господдержки требуется соблюдение принципа недопущения дискриминации, что мы видим в рамках первой редакции закона. Но во многом такие подходы налоговые, где дифференциация территориальная в регионах, могут быть восприняты как дискриминация.

Понятийный аппарат. Также согласны с тем, что фактически то, что у нас в законодательстве законы № 39 и 160 фактически идут в отмену в том или ином виде, это, с нашей точки зрения, действительно, по ряду направлений. И эта тематика... отменяется понятие источников финансирования, инвестиционной деятельности, отменяется определение срока окупаемости. Это крайне важные понятия в сфере инвестиционного процесса и отношений между кредитными организациями и инвесторами. Поэтому мы в целом тоже хотели бы обратить внимание, что с точки зрения и нашего региона, и целого ряда других, с которыми мы плотно общаемся, конечно, требуется внесение существенных корректировок. Спасибо.

А.Г. ДМИТРИЕНКО

Спасибо большое.

У нас записалась еще Светлана Ивановна Бик, исполнительный директор Национальной ассоциации концессионеров и долгосрочных инвесторов в инфраструктуру.

Но мне кажется, мы уже целиком и полностью ваши задачи сегодня обговорили и целиком и полностью находимся на вашей стороне. Есть смысл выступать? Скажите спасибо, наверное, и все.

С.И. БИК

Добрый день! Да, конечно, спасибо. Но все-таки я хотела бы один тезис добавить, который не был озвучен в ходе сегодняшнего обсуждения. О том, что вселенная инфраструктурных инвестиций складывалась в России 12 лет до того, как еще был принят закон о концессионных соглашениях, и потом 15 лет его совершенствования. В закон о концессионных соглашениях было внесено 27 поправок существенных и принципиальных, и это делалось в этих же стенах. Последние предложения о внесении изменений в декабре были внесены, как раз связанные с защитой капиталовложений.

Но я хотела бы здесь сказать другой тезис. Вы знаете, закон о концессионных соглашениях и о ГЧП уже проник в такое количество актов, включая нормативные акты Центрального банка. У нас уже есть специальные финансовые инструменты такие, как концессионные облигации, которые входят в структуру активов пенсионных фондов. Вы понимаете, мы не просчитываем такие глубочайшие риски, у нас нормативы резервирования и так далее... Вы понимаете, это целая вселенная! Если мы сейчас ее поручим вот так одной доминантой, мы не просто замучаемся потом товаропроводящую сеть организовывать заново, понимаете? И, если честно, у нас уже есть кодекс, инфраструктурный кодекс.

вб

Он состоит из двух базовых законопроектов, в которых учтена большая часть отраслевых особенностей. И у нас существует большое количество ведомственных актов, включая Росприроднадзор, потому что здесь и ТКО, и все другое.

То есть я выскажу такое мнение, что, мне кажется, Минфин до конца глубоко не понимает, в какие отрасли уже проросли инфраструктурные инвестиции, и эти отрасли чрезвычайно чувствительны для населения. Если мы сейчас вот так на ходу собьем этот ритм и

динамику, понимаете, мы потом еще 10 лет это будем восстанавливать. Дело в том, что я возглавляю экспертный совет по рынку долгосрочных инвестиций при Центральном банке и знаю, как болезненно, чувствительно каждое решение внутри этого ведомства происходит в отношении долгосрочных инфраструктурных инвестиций.

Коллеги, мне кажется, что есть законопроекты, по которым риски не проявлены, они начинают проявляться позже, и вы все вносите изменения. Но сейчас мы имеем с вами ситуацию, когда очевидны риски, и об это сообщество уже кричит. И мы все равно... Если мы оставим это без внимания, мы закладываем такую мину очевидную. Спасибо большое.

А.Г. ДМИТРИЕНКО

Спасибо. Мы Вас услышали. Более того, Вы помните, что каждый выступающий говорил о том, что концессии и ГЧП необходимо убрать. Правильно. Спасибо большое.

Я хочу обратить внимание (я так понимаю, все желающие выступили уже) представителей министерств и ведомств на то, что та работа, которую вы сейчас проводите по подготовке ко второму чтению и внесению поправок, в любом случае останется под контролем, мониторингом нашего комитета, комитета по экономике. На то есть поручение Валентины Ивановны Матвиенко на том самом открытом диалоге с министром, господином Орешкиным. Поэтому все сказанное сегодня, я еще раз говорю, надеюсь, найдет отражение в вашей работе, в поправках к этому законопроекту. Будем считать, что состоялось (и на самом деле состоялось) конструктивное обсуждение именно по улучшению ситуации, которая сложилась по принятию данного законопроекта.

Коллеги, мы заканчиваем уже сейчас. Два слова еще буквально.

Будет подготовлен протокол. Если какие-то предложения у кого-то имеются, прошу в срок до 22-го числа, если они тут не озвучены, представить эти предложения.

Ну и дальше... Я все-таки надеюсь, что мы и в будущем в нашей работе будем конструктивно общаться и взаимодействовать и найдем оптимальное решение для того, что бы способствовало наибольшему раскрытию экономического потенциала России и ее регионов.

Спасибо большое. Закончим.
